

82.3(4)
Ш35
СА-399739

Легенды европейских народов

А. В. Швыров

А. В. Швыров

ЛЕГЕНДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2023

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

СА-300430

Содержание

Введение	6
Вечный жид	13
Фауст.....	28
Дон Жуан	40
Пан Твардовский	53
Тангейзер	67
Роберт-Дьявол.....	81
Мерлин.....	87
Роланд	103
Легенда о Граале.....	137
Император Фридрих.....	152
Тристан и Изольда.....	160
Зигфрид	165
Моряк-скиталец.....	172
Белая женщина	179
Робин Гуд	185
Легенды о Стеньке Разине.....	216
Германские легенды	235
Английские легенды	278
Заключение	291

Введение

Первые христиане, следуя апостолу Павлу¹, почти совершенно отrekliсь от светской науки, находя единственное успокоение в религии. Но со II века в христианство переходят люди, жаждущие знания, не желающие коснеть в невежестве; религия к этому времени теряет уже в некоторой степени свою первобытную чистоту, и среди христиан появляются сомневающиеся, вероотступники и просто индифферентные. Тогда церковь, чтобы поддержать свой престиж, позволяет людям образованным комментировать Евангелие. С этого момента философия на вечные времена становится спутницей теологической колесницы. Науке позволяют проникать в тайны религии, освещать темные места Священного Писания, но лишь под тем условием, чтобы разум держался строго христианских принципов; для острастки же с церковной кафедры не перестают предавать науку анафеме.

Таким образом разум и наука поступили на службу религии. В служебном отношении к религии находилась наука более шести веков. За этот период Священное Писание служило отцам церкви и всем верующим единственным неисчерпаемым источником мудрости, кладезем, в котором они находили ответы на все сомнения и запросы времени.

Для обыкновенного мирянина Старый и Новый Заветы в большинстве случаев были недоступны, так как переводились лишь на мертвые языки, и для таких людей составлялись на народном языке жизнеописания святых мучеников, апостолов и других угодников, которые прочитывались в церквях в известные праздники.

Этим благочестивым чтением духовенство старалось поддержать в народе религиозный дух, и жития святых обыкновенно составлялись с описанием чудес.

Христианская религия, как известно, не ограничивается одними поучениями и наставлениями, заключающимися в богословских тезисах или, подобно древней языческой философии, в холодных теоретических уроках, но требует от человека практических доказательств веры. Самым характерным в христианской религии является концепция нравственного типа, совершенного существа. Тип этот — Иисус Христос, то есть Евангелие. Стараться быть безгреш-

¹ Первое послание к Коринфянам, глава III, стих 19.

ным, приблизиться, так сказать, к Божеству, стремиться к нравственному совершенству — таков главный принцип христианства. Для поддержания и развития этого принципа была написана Фомой Аквинским замечательная книга — «Подражание Христу».

Грубые умы первых веков христианской эры, когда царила большая путаница в понятиях, не в силах были отличить аллегория от прямого смысла, и подражание Христу понимали в буквальном смысле, то есть что человек, достигший известной нравственной чистоты, должен был, по мнению Средневековья, подобно Христу, совершать чудеса в доказательство благодати, лежащей на нем.

Представим себе теперь монаха, так как именно монахи занимались этим делом, составляющего жизнеописание избранного им святого. На основании каких данных приходилось составлять ему житие? Если он был современником святого, он писал то, что ему диктовала память; если же это было в давно прошедшие времена, то ему приходилось верить устным преданиям, ходившим в народе о его герое, так как письменных достоверных источников в то время еще не было.

Даже и в наше время немногие биографии замечательных людей могут похвастаться полной беспристрастностью и правильным освещением фактов, несмотря на то что к услугам современного составителя биографии имеется громадный рукописный и печатный материалы. Нельзя поэтому укорять средневекового монаха-аскета, доводившего себя постом и молитвой до галлюцинаций, и говорить, что он, сам слепо веруя и желая других подкрепить в вере, сгущает иногда краски, приводя в доказательство нравственной чистоты святого два или три чуда, совершенные якобы этим святым.

Подобные жизнеописания, сочиненные в уединении монастырской кельи, повествующие о тех или других чудесах, совершенных тем или другим святым, прочитывались, как мы уже сказали, всенародно в церкви в день празднования памяти святого. Чтения эти носили общее название «легенда» — название, происходящее от латинского слова *legenda*, что значит: «то, что должно читать». Впоследствии словом «легенда» стали обозначать всякий рассказ, в котором играют роль сверхъестественные силы.

Слышанные в церкви рассказы о чудесах проповедников разносились по домам, передавались из уст в уста, причем, конечно, одни части забывались, другие измышлялись вновь, и весь рассказ нередко коренным образом изменялся, теряя свою основную идею, так что впоследствии сама церковь отвергала его как совершенно вымышленный.

Попытки собрать воедино легенды о святых, рассеянные по всему христианскому миру, предпринимались не раз, но никому не удалось сделать это в таком количестве, как архиепископу генуэзскому Джакомо де Вораджине (умер в 1299 году). Им составлен огромный

сборник легенд, носящий общее заглавие «Legenda aurea» — «Золотая легенда».

Этот сборник считается самым первым по времени; в нем собраны почти все легенды с их бесконечными вариациями за первые десять веков нашей эры.

Перелистывая этот сборник, прежде всего нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство, а именно: большинство чудес, рассказываемых в этих легендах, являются вариациями тех, о которых нам повествует Евангелие. Так, в одном месте мы наталкиваемся на вариацию Благовещения. Ангел возвещает матери, что от нее родится дочь, которая озарит своим светом всю землю. В другой легенде отец, не верующий, что у него родится сын, слепнет и прозревает лишь в тот момент, когда исполняется пророчество. Эта легенда является легким изменением рассказа Священного Писания о немоте Захария. В третьей ребенок питается молоком девственницы и т. д.

Все собрание легенд состоит из небольшого пролога, в котором автор объясняет систему своего сборника (вся жизнь человеческая делится на четыре периода: первый — Совращение с пути от Адама до Моисея; второй — Обновление — от Моисея до Рождества Христа; третий — Примирение, когда Христос примирил нас с Господом, и четвертый — Странствования — современная жизнь наша), и ста восьмидесяти двух глав, кроме прибавлений.

В этом же сборнике мы находим легенды, относящиеся к последним часам жизни Иисуса Христа. Народная фантазия, не довольствуясь драмой, описанной евангелистами, разукрасила отдельные моменты крестной смерти Спасителя полными поэзии легендами. Эта фантазия развила второстепенные истории некоторых лиц, принадлежащих к драме, как, например, историю о Пилате, о двух разбойниках, об Иосифе Аримафейском; она создала причудливые эпизоды о Веронике, которая получила отпечаток божественного лика на полотне; о Лонгине слепорожденном, прободевшем копьем бок Христа и получившем зрение после того, как он помазал глаза кровью, потекшей из раны. Все подробности, указанные евангелистами, становятся точками отправления более или менее поэтических легенд.

Гораздо сложнее по идее легенды, созданные после IX века и носящие светский отпечаток.

В IX веке в жизни народов замечается новое течение: в обществе вдруг просыпается жажда жизни. Оно, как юноша, уверовавший в свои силы, захотело применить их к живому делу. Общество жаждало живой деятельности и земных удовольствий. Теология же, застывшая в своем холодном величии, продолжала оберегать паству от всего светского, неустанно проклинала мирскую суету и утешала человечество лишь обещаниями блаженства в загробной жизни. Понятно, что науке, обещавшей человечеству все земные блага, нетрудно было отодвинуть на задний план безжизненную теологию.

Особенную лихорадочную деятельность и жажду к просвещению обнаружило общество при Карле Великом. Так как своей науки христианство еще не создало, то искавшие знания обратились к античным народам и к испанским маврам, культура которых тогда стояла очень высоко. Из древних философов христианское общество больше всего поразило Аристотель, наиболее синтетический ум Эллады. В погоне за знаниями философия Аристотеля принималась на веру без всякой проверки или критики со стороны изучавших его. Аристотель стал вторым Евангелием, откровением высшей мудрости, которому следовало верить, даже если читавший и не понимал его. Кроме того, как мы уже сказали, многие ездили в Испанию и слушали там философию у мусульманских и еврейских светил науки. Это умственное движение в XVI столетии привело германские народы к Реформации и к ожесточенным религиозным войнам, а романские народы — к блестящей эпохе Возрождения.

За этот период, то есть с IX по XVI столетие, были созданы народным воображением самые величественные легенды, которые вследствие своего общечеловеческого характера сделались достоянием всего цивилизованного мира и не раз служили сюжетами для поэтических произведений гениальных писателей всех эпох и народов. К этому же времени надо отнести создание рыцарских легенд, благородных, возвышающих душу преданий. Народная память и народное воображение не устают работать; все великое, значительное, все, что так или иначе поразило воображение, надолго остается в людской памяти и украшается пестрыми цветами фантазии. Народ окружает излюбленных своих героев целыми облаками легенд, за которыми трудно разглядеть действительный образ. Нет ни одного выдающегося события, вокруг которого не наслонился бы ряд легенд, созданных народной фантазией.

Кто-то сказал, что поэзия процветает только там, куда не проникла культура и где неизвестны законы природы, по которым движется и живет весь мир. Эта мысль яснее всего подтверждается легендами, и особенно светскими, не связанными никаким догматом. Чем древнее легенда по своему происхождению, тем сильнее дышит она истинной поэзией, и наоборот, чем позже создалась легенда, тем яснее проглядывает в ней тенденция.

Кроме самобытных европейских легенд, сложенных европейскими народами в воздаяние уважения к тому или другому герою и основанных либо на чистой фантазии, либо на уцелевших остатках языческих верований, либо на неверно понятых евангельских текстах, в Средние века в Европу были занесены еще легенды других народов, преимущественно азиатских, а также перерабатывались в легенды мифы греков и римлян, знакомство с которыми после IX века пошло быстрыми шагами вперед.

Заимствованными легендами Европа обязана главным образом Индии. Индийские легенды, благодаря своей чудовищной фантазии, яркости и выпуклости образов, пользовались большой популярностью у соседних народов. Легенды Индии переплывали моря и забрасывались в Египет и там, ассимилировавшись с египетскими мифами, переходили через горы и попадали в Персию, где обрабатывались в поэмы персидскими поэтами, как, например, знаменитым Фирдуси.

Когда европейцы в погоне за образованием обратились к мусульманам и евреям, они вместе с греческой философией и отрывками Гомера занесли в Европу и некоторые индийские легенды, записанные в «Ведийских гимнах».

Что индийские легенды могли поразить европейцев своей новизной и силой фантазии, в этом не может быть никакого сомнения. Для образца мы приведем здесь одну из кратких, но вместе с тем оригинальнейших ведийских легенд.

«В Ягурведе чудовищный полет фантазии особенно проявляется в изображении действия жертв и жертвенных изречений, а также в легендах этой части вед. Из немногих осмысленных между ними следующая может служить примером всей фантастичности индийских воззрений на природу: “Горы обладали сначала крыльями; они летали в разных направлениях и садились, где только хотели; но земля качалась от этого в разные стороны. Индра отрезал у гор крылья и этим сделал землю неподвижной. Крылья превратились в грозные тучи. Потому-то тучи постоянно и стремятся к горам”» (Л. Шредер).

Не только буддийские легенды и притчи заносились в Европу, но и сама легендарная жизнь Будды была описана в знаменитом греческом романе «Варлаам и Иоасаф», который поистине можно назвать любопытнейшим произведением византийской литературы. В этом романе под именем принца Иоасафа автор рассказывает легендарную историю Будды, превратившегося под его пером в христианского аскета, обращенного из язычества в христианство неким Варлаамом. Этот роман пользовался в свое время таким шумным успехом, что историю о царевиче Иоасафе стали считать не вымышленной, а истинной. В этой же истории помещены некоторые притчи и легенды буддийской религии, которые с более или менее значительными вариантами перешли в народ, приняли местный колорит и даже не раз служили сюжетами для французских фаблио и *chansons des gestes*¹.

¹ *Chanson de geste* (букв. «песнь о деяниях»), или *жэста* — жанр французской средневековой литературы эпического содержания. Самая известная жэста — «Песнь о Роланде». Слово «жэста» (от лат. *gesta* — «деяния») означало в старофранцузском языке «рассказ о подвигах» и относилось прежде всего к героическим традициям, связанным либо с отдельным персонажем, либо с его родом, либо даже с целым коллективом. — Прим. изд.

В легендах чисто национальных, которые имеются в каждой стране и у каждого народа, мы встречаем тоже стремление к прославлению своих героев, к фантастическим прикрасам. В таких чисто народных легендах можно встретить указания на народные обычаи и нравы, намеки на языческие обряды и яркие черты народного характера.

В легендах кельтского народа, сочиненных бардами, чувствуется туманный мистицизм Альбиона, слышатся горькие сетования об утраченной свободе и самостоятельности, вспоминаются фантастические подвиги мифического Мерлина и рассказывается о блестящем периоде правления короля Артура в Кардигане, личность которого служила центром средневековой романтики и окутана густым туманом разных легенд и преданий. Позднейшие английские легенды носят более жизнерадостный характер: они воспевают Old merry England¹, Зеленую Ирландию и народных героев вроде Робина Гуда.

Легенды германского народа носят более ясный характер и лишены расплывчивости кельтских сказаний. В этих легендах о великанах и гномах отражается спокойная уравновешенность германского характера, вся их несложная фантазия, смелая и прямотдушная натура. Впоследствии во время крестовых походов, которые дали европейским народам возможность к частым сношениям друг с другом, германцы заимствовали у французов дух их рыцарских учреждений и рыцарский взгляд на женщин. Наряду с этим германцы обрабатывают по французским источникам церковные и античные легенды. Они заимствовали у французов тон, приемы и форму. Особенно распространились в это время легенды, представляющие собою сплетения всевозможных чудесных происшествий, которые как нельзя больше подходили к характеру того времени. Однако надо отдать справедливость немецким составителям легенд в том, что они умели самым фривольным французским темам придать приличный характер. Основным фоном этих легенд постоянно служила одна и та же тема — борьба христиан с миром ислама.

В легендах романских народов отличительной чертой являются мистицизм и мрачность фантазии. Кроме того, каждый из романских народов имеет еще свои собственные легенды, отличающиеся от других не только сюжетами, но и основными идеями. В испанских легендах, например, чувствуется влияние арабов; в них рассказывается о рыцарской доблести, о беззаветной храбрости и отваге. В итальянских легендах слышатся отзвуки погибшего античного мира, воспеваются любовь, любовная верность. Во французских наряду с ультракатолическими легендами существуют такие, в которых чувствуются чисто галльская веселость, беззаботный жизнерадостный юмор. Французские фавлю, в которые, как мы уже

¹ Старую добрую Англию (англ.). — Прим. изд.

говорили, нередко обрабатывались разные легенды, напоминают несколько наши русские легенды.

Просматривая народные русские легенды, собранные Афанасьевым, нельзя не заметить, что они проникнуты юмором. С особенным комизмом обрисован в них нечистый дух, получивший образное имя Потаньки. Личность черта рисуется самыми смелыми штрихами: народ награждает его черной рожей, рогами и хвостом. Но роль, которую он играет во всех рассказах, очень незавидная. Самый последний мужик, простая баба изобличают его козни и одерживают над ним верх. В русской легенде, как и в средневековой драме, дьявол теряет свое могущественное страшное обаяние и играет незавидную роль шута. Мужик обращается с ним чуть не запанибрата и вовсе не боится его.

При всей запутанности содержания легенды сохраняют поэтическую истину. Постоянная же борьба добра со злом и победа добра придает русским легендам поучительный характер. Мы еще вернемся к ним и тогда будем говорить о них подробнее; теперь же скажем лишь, что источником для них послужили «Прологи», как отреченный, так и принятый церковью.

Резюмируя в кратких словах все сказанное, следует заметить, что христианская легенда зародилась в церкви и оттуда попала в народ. Затем народ, не довольствуясь одними преданиями о святых, создал собственные легенды о национальных героях и выдающихся событиях. Впоследствии в народ перешли индийские легенды, которые, ассимилировавшись, потеряли свой местный колорит и сделались полною собственностью европейцев. Эпохи великих умственных движений породили великие мировые легенды, до сих пор не потерявшие своей яркости и красоты. Расцвет рыцарства и крестовые походы также оставили потомкам память о себе в виде громадного цикла рыцарских легенд.

Установить точно или хотя бы только приблизительно порядок появления легенд нет никакой возможности; не претендуя поэтому на хронологический порядок, мы начнем свою монографию с легенд наиболее интересных, известных всему образованному миру и не раз подвергавшихся литературной обработке под пером писателей разных эпох и разных народов.

Прежде чем говорить о национальных легендах разных стран, считаем уместным выделить небольшую группу легенд, которые вследствие своей популярности можно считать собственностью всего мира.

ВЕЧНЫЙ ЖИД¹

Прототипом легенды о Вечном жиде служит история Каина, который после братоубийства блуждал по земле со знаком на лбу. Сама же легенда зародилась на основании Евангелия, и именно того места, где Христос говорит ученикам, что желает, чтобы Иоанн остался на земле, пока Он не придет вновь. Разница лишь в том, что бессмертие Иоанна является знаком благоволения к нему Спасителя, а бессмертие Агасфера — проклятием, приносящим ему неизреченное страдание.

Когда и как зародилась легенда о Вечном жиде, до сих пор неизвестно. Первое свидетельство о нем мы читаем у Матиаса Париса, английского хроникера (умершего в 1259 году), который рассказывает, что в 1228 году в Англию прибыл архиепископ из Армении и рассказал «об Иосифе, имя которого так часто упоминается в разговорах и который присутствовал при страданиях Спасителя, говорил с Ним и находится еще в живых до сих пор как свидетель истинности нашей веры». Архиепископ уверял, что он знал этого Иосифа, который ел за его столом и рассказал его историю.

Во время осуждения Христа этот человек, называвшийся тогда Картафилус, был привратником претории Понтия Пилата. Когда Иисус, приговоренный и влекомый евреями, переступил порог претории, Картафилус ударил Его кулаком в спину и, презрительно усмехаясь, сказал: «Иди же, Иисус, иди скорее; чего ты так медлишь?» И Иисус, нахмутив чело и строго взглянув, ответил: «Я иду, а ты подождешь, пока я вернусь».

То же самое почти сказано и у евангелиста: «Сын человеческий уходит, как сказано в Священном Писании, но ты подождешь Его второго пришествия». Слово Спасителя исполнилось, и Картафилус Его ждет. В то время ему было около тридцати лет, и каждый раз, достигнув столетнего возраста, он заболевает какой-то болезнью, впадает в род экстаза, после чего снова поправляется и возвращается к тому же возрасту, какой имел в день смерти Христа.

Его окрестил Ананий и дал ему имя Иосифа. Обыкновенно он живет в обеих Армениях и в других странах Востока. Общество его составляют епископы и прелаты. Он человек благочестивый и ве-

---

¹ *Грецце* — «Der ewige Jude»; *Гельбиг* — «Die Sage vom ewigen Juden»; *Conway* — «The wandering Jew»; *G. Paris* — «Les légendes des moyen Age»; *Uhland* — «Sagengeschichte der Germanischen und Romanischen Völker»; *Grohmann* — «Sagenbuch».

ДОН ЖУАН¹

За величавым образом Фауста как-то невольно приходит на ум изящная фигура Дон Жуана. На первый взгляд между Дон Жуаном и Фаустом, по-видимому, лежит целая бездна, но, изучая характер того и другого, замечаешь много общего в них, несмотря на то что точки отправления у каждого совершенно различны. Фауст весь погружен в науку, борется с судьбой при помощи могущественной мысли и лишь изредка в виде реакции отдается чувственному удовольствию; Дон Жуан, наоборот, ненасытно стремится все к новым и новым земным удовольствиям, игнорируя все остальное. Но постоянное стремление к бесконечному, страстные порывы мятежного чувства против судьбы, постоянное напряжение фантазии и воли сближают его с Фаустом. Когда же Фауст сам отдается любви и уверяет в ней Елену или Маргариту, оба образа сливаются воедино и сходство достигает полной тождественности. Дон Жуан, однако, стоит ниже своего сверстника, в нем нет могучей работы мысли и цель его жизни всегда одна и та же: он все время не перестает стремиться к земным наслаждениям, к любовным утехам и в быстрой калейдоскопической смене любовниц видит главнейшее наслаждение жизни. Чтобы испытать безграничные наслаждения, чтобы изведать новые, неизвестные смертному ощущения, он не остановился бы ни перед чем и, как Фауст, с радостью продал бы душу черту.

Народ так и понял этот характер, и в легендах о Дон Жуане нечистой силе отводится довольно видная роль. Участием дьявола легенда объясняет удивительные любовные удачи Дон Жуана, участием дьявола объясняет она его ловкость, с которой он взбегал наказания как Божеского, так и человеческого, его смелость, отвагу и даже самую ненасытность страсти, бившую ключом в его жилах.

В подтверждение этого про Дон Жуана рассказывается такой случай. Однажды вечером он вышел прогуляться по Севилье. Идя правым берегом Гвадалквивира, он заметил на другой стороне реки господина, курившего сигару. Недолго думая, Дон Жуан вынимает тоже сигару и кричит тому через реку, чтобы он дал закурить. Незнакомец протягивает руку, рука удлиняется, достигает противоположного берега и подносит сигару Дон Жуану. Дон Жуан нисколько

---

¹ Engel — «Die Don-Juansage»; A. Hayem — «Le Donjuanisme»; Picastolle — «Don Juan Tenorio»; Scheible — «Kloster», t. III; Friedmann — «Don Juan's letztes Abenteuer»; Hürte — «Wahrhaftige Historie vom Don-Juan»; Тижнор — «История испанской литературы»; Веселовский — «Легенда о Дон Жуане». Поэтическая обработка.

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Человечество в Средние века переживало мрачную эпоху своего существования. Церковь предъявляла к христианину самые суровые требования. Церковный аскетизм в то время достиг наивысшей точки. О благодати Христа, о Его всепрощающей любви как будто забыли, и человеку с церковных кафедр непрестанно лишь твердили о Страшном Суде, о муках грешников в загробной жизни, призывая его к неустанному покаянию, к отречению от земных удовольствий, — одним словом, над всем преобладала проповедь аскетизма, и аскетизма в его самой суровой форме.

Разные явления, всевозможные знамения видимы были народом то в том, то в другом месте. Постепенно слухи о них распространялись чуть не по всей Европе, рассказы приукрашивались цветами самой грубой, самой необузданной фантазии, и в результате повсюду получалось угнетающее настроение. Около 1000 года появились какие-то волхвы, пророки, предвещавшие наступление конца мира, и это, конечно, в свою очередь действовало неблагоприятно на толпу.

Жизнь к этому времени точно приостановила свое развитие, свое движение вперед. Пульс замер, и мысль общества постепенно отказывалась работать. В городах на всем появился какой-то мрачный колорит, самый стиль зданий дышал чем-то нездешним; казалось, все помыслы сосредоточены были лишь на карающей деснице библейского Иеговы. Не раздавался больше веселый смех античных народов, и игривая шутка замирала на устах; от каждого человека веяло каким-то холодом и удаленностью.

И вдруг посреди этой мрачной обстановки прозвучала веселая песня трубадура, песня, прославлявшая любовь, прославлявшая страсть, рвущуюся из границ социальных условий и приличий. Песнь эта прозвучала как резкий диссонанс со всем сложившимся и успевшим уже окрепнуть укладом средневековой жизни. Она восхваляла свободную любовь, воспевала чувственность, земные радости и земные наслаждения, женскую физическую красоту, мужскую доблесть и отвагу, одним словом, все то, что подвергалось гонению с кафедр церковей и соборов, что до сих пор принято было считать греховным, низменным, не заслуживающим даже взгляда, мысль о чем считалась даже преступлением.

Эта песнь была легенда о Тристане и Изольде. Понятно, что едва успела она появиться, как сразу же завоевала себе большой круг поклонников среди населения, томившегося под гнетом аскетизма.

БЕЛАЯ ЖЕНЩИНА

Нет, кажется, ни одного старинного замка, нет ни одного старинного рода, у которого не было бы своего фамильного предания, легенды, которая переходит из поколения в поколение и хранится в полной своей неприкосновенности не хуже фамильных драгоценностей.

Самой распространенной замковой легендой нужно считать легенду о белой женщине. О появлении белой женщины имеются легенды и во Франции, и в Германии. Скольким писателям дала материал для поэтических рассказов эта бледная женщина под белым покрывалом! Сколько вариаций и всевозможных версий написано о ней поэтами и романистами!

Обыкновенно рассказывается об этой белой женщине следующее. В каком-нибудь замке в разные времена появляется женщина, закутанная в белое покрывало, которая ночью, приблизительно около полуночи, расхаживает по залам, наводя страх на встречаемых. В одних замках это — кающаяся грешница, в других ее появление означает предупреждение против чего-либо, и, наконец, в третьих она предвещает смерть какому-нибудь члену семьи. Обыкновенно это тихий домашний дух, не делающий никому никакого вреда.

Такое привидение появлялось когда-то в мрачных коридорах Бастилии. О подобном же привидении упоминает и наш Жуковский, видевший его в одном из замков Германии.

Как мы уже сказали, женщина эта никому не приносит вреда, отличается миролюбивым спокойным характером, но раз, рассказывают, она вспыхнула и довольно жестоко наказала дерзкого, который осмелился нанести ей оскорбление.

Случай этот произошел в королевском Берлинском замке, где, говорят, тоже появляется белая женщина каждый раз, когда предстоит смерть одного из членов царствующего рода Гогенцоллернов.

Она всегда бывает одета в белую длинную одежду; на голове у нее белый чепец, с которого ниспадает белое же вдовье покрывало. В таком виде показала она в первый раз в 1598 году, незадолго до смерти курфюрста Иоганна-Георга, затем в 1619 году, перед смертью другого курфюрста — Иоганна-Сигизмунда; некоторые видели ее также в 1667 году, когда она возвестила близкую кончину курфюрстины Луизы-Генриетты. Появлялась она и в другие времена, но всегда в качестве провозвестницы смерти какого-нибудь члена фамилии Гогенцоллернов. Не раз придворные видели ее тихо и спокойно прохаживающейся по коридорам и залам замка.

РОБИН ГУД

«В веселой старой Англии» самым популярным народным героем был легендарный разбойник Робин Гуд. Жил ли он в действительности или это только создание народного воображения — до сих пор точно не установлено.

Древнейшие упоминания о Робине Гуде находятся во втором издании Piers'a «The Plowman» («Пахарь»), относящемся приблизительно к 1377 году. В пятом pasus этой поэмы один из действующих лиц говорит следующее:

«Я не смогу припомнить всю молитву “Отче наш”, но зато знаю наизусть все стихи о Робине Гуде и Рандольфе графа Честерского».

Затем о Робине находится упоминание у историка Винтоуна в его «Scottish Chronicle», написанном в 1420 году; затем у Боура в его дополнении к «Scottish Chronicle» Тордуна, вышедшем в свет около 1450 года.

О популярности его во второй половине XV и XVI столетии имеется много доказательств. В блестящую эпоху Елизаветы и позднее Робин Гуд нередко упоминается в сочинениях Шекспира, Бен Джонсона, Дрейтона и др.

Баллады о Робине Гуде, которых имеется целая коллекция, как, например, баллада «Робин Гуд и монах», по всей вероятности, относятся к веку Эдуарда II. Другие баллады — «Робин Гуд и горшечник», «Робин Гуд и Ганделин» — сочинены не позднее XV столетия. Самая замечательная из них, «A littelle Geste of Robine Hode», впервые напечатана в 1490 году, хотя самый полный экземпляр относится к 1520 году; но он, очевидно, составлен по образцу древнейшей.

Имя Робина Гуда происходит, во-первых, от сокращенного французского имени Роберт и от довольно употребительной фамилии Одо (Houdart). Ройт производит это имя от германского духа Hudekin или Witikind.

Относительно того, когда жил Робин Гуд и жил ли он вообще, имеется несколько предположений. Одни исследователи изображают его как последнего саксонца, боровшегося против норманнов в конце XII столетия. Эти исследователи предполагают, что Робин Гуд жил и действовал в эпоху Ричарда Львиное Сердце, приблизительно от 1180 до 1194 года. Это был предводитель одной из тех многочисленных банд саксонцев, которые, недовольные победителями-норманнами, отнявшими их имущества, лишившими их свободы и угнетавшими их, жили независимо в разных кантонах

ЛЕГЕНДЫ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

Есть разительное сходство между английским народным героем Робинот Гудом и нашим Стенькою Разиным. Сходство это заключается не только в их подвигах, но даже в одинаковом отношении к ним народа. Даже само появление Стеньки Разина и его товарищей на низовьях Волги вызвано было теми же самыми обстоятельствами, какие были причиной появления в Шервудских лесах Робина Гуда с его смелыми лучниками, — т. е. недовольство правительством.

Целые массы крестьян, холопов и вольных людей, почему-либо поссорившихся с правительством, в первую половину XVII столетия бежали или на низовье Волги, или на тихий Дон, или в Запорожскую Сечь, где, в силу данной казакам грамоты, становились свободными людьми и откуда ни одного беглого никто не мог вернуть обратно.

Причин же для бегства было немало. Положение крестьянства в то время было не из завидных. Как известно, до 1592 года крестьяне были люди вольные и в известный срок имели право переходить с земли одного господина на землю другого, но с воцарения Бориса право это было отнято у крестьян, и они были закрепощены. С этих пор положение крестьянина стало невыносимым. Он являлся вещью, на которую никто не обращал внимания и с которой владелец мог поступать, как ему заблагорассудится. Дворянин, убивший крестьянина, особенно собственного, почти никогда не подвергался суду. Если же он убивал крестьянина другого владельца, то последний имел право взять из имения убийцы лучшего крестьянина с женой и детьми. Дворянин мог, вместо того чтобы самому подвергаться правезу, посылать на истязание своих людей; сам господин имел возможность наказывать своего подвластного как угодно. Если дворянин не являлся в срок на службу, то правительство брало его людей и сажало их в тюрьму, пока не являлся владелец.

Положение посадских людей было, пожалуй, еще хуже. Это можно судить по тому, что нередко они бежали из своих общин и отдавались частным лицам. Посадским людям приходилось нести массу разных повинностей и платить несметное количество податей.

Кроме того, злоупотребления воевод и всевозможных чиновников еще более увеличивали тягостное положение низших классов. Особенно в этом отношении отличались воеводы: они прямо смотрели на свое положение как на доходное место, грабили и обижали на-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**